

Б У Р Я Т О В Е Д Е Н И Е

УДК 811.161.1'36

doi: 10.18101/1994-0866-2016-5-3-11

СЛОВА КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ В СОСТАВЕ ЛИЧНОГО ИЛИ БЕЗЛИЧНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (на материале русского и бурятского языков)

© *Улазаева Галина Васильевна*

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: diskurs@mail.ru

В статье рассматриваются простые предложения в русском и бурятском языках. Антропоцентрическая парадигма современной лингвистики предполагает рассмотрение предложения как способа реализации определенной коммуникативной функции, намерения говорящего. Используются концептуальные положения Г. А. Золотовой относительно односоставности/двусоставности, безличности, а также синтаксических особенностей слов категории состояния. Изложенная Г. А. Золотовой трактовка безличных односоставных предложений и рассмотрение их как двусоставных личных конструкций с расчлененным выражением предикативного признака и его носителя представляются убедительными. Противопоставление по принципу «субъектность — бессубъектность» не является релевантным признаком для классификации предложений, но дает возможность различать лично-субъектные (с предикцируемым именем лица) и предметно-субъектные (с предикцируемым предметным именем) предложения. В так называемых безличных конструкциях есть не только семантический субъект, но и подлежащее, которое может быть выражено именительным падежом и дативом. Номинатив включает значение субъекта как инициатора какой-либо активности, датив служит для выражения дополнительного значения «инволюнтности». Дательный падеж после именительного, который представляет собой основную диагностическую форму субъекта-подлежащего, является претендентом на роль имени, занимающего первое место в предложении.

Ключевые слова: русский язык, бурятский язык, односоставные предложения, оппозиция «личность — безличность», носитель предикативного признака, номинатив, датив, слова категории состояния.

Состояние как одна из универсальных категорий находит отражение в предложении. Предложение, как известно, являясь коммуникативной единицей, выражает человеческие мысли в синтаксических конструкциях по правилам их внутренней организации.

Антропоцентрическая парадигма современной лингвистики, исследуя «человеческий фактор» в языке и обращая особое внимание на социально-

психологическую природу речевой деятельности, предполагает рассмотрение предложения (коммуникативной единицы) как способа реализации определенной коммуникативной функции, намерения говорящего.

Многообразие предложений, отражающих человеческие мысли и эмоции, передает сложность жизни и изменчивость окружающей действительности. Предложения, в которых грамматическими средствами структурируется какой-либо определенный фрагмент действительности, оказываются намного сложнее, чем языковое описание, которое предлагается исследователями. Реальный язык всегда богаче, чем лингвистические построения. В связи с этим возникают дискуссии по многим лингвистическим проблемам. В частности, традиционно считается, что слова категории состояния употребляются в безличных односоставных предложениях. Совершенно иную позицию относительно синтаксиса рассматриваемых слов занимает Г. А. Золотова [3; 4].

Отметим, что проблеме соотношения односоставных и двусоставных предложений большое внимание уделяется в трудах крупных русских ученых-лингвистов: Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, Е. М. Галкиной-Федорук, В. В. Бабайцевой, В. А. Белошапковой, Г. А. Золотовой, Н. Н. Арват, З. Д. Поповой и других.

В современной грамматике система классификации типов простого предложения восходит, как известно, к «Синтаксису русского языка» А. А. Шахматова [11]. Принципом деления служит признак наличия/отсутствия в структуре предложения главных членов — подлежащего и сказуемого, и на этом строится основополагающее противопоставление односоставных и двусоставных предложений. Обращает на себя внимание то, что подробно детализированы односоставные предложения (номинативные, безличные, определенно-личные и т. д.), по отношению же к двусоставным предложениям такая детализация отсутствует.

Последовательная разработка теории простого предложения как бинарной предикативной единицы позволила ряду ученых установить, что бес-субъектность не свойственна русскому предложению [3; 4; 5], в связи с чем можно утверждать, что для безличных предложений характерно наличие субъекта.

Еще А. М. Пешковский отмечал, что термин «безличное предложение» является неточным, «так как полной безличности в сказуемом вообще быть не может. Лицо есть необходимая категория языковой (да и не только языковой) мысли, присущая ей по самой ее сущности: ведь без лица говорящего не может быть и речи, лицо говорящее необходимо предполагает лицо слушающее, а оба эти лица необходимо предполагают внешний мир, их объемлющий, являющийся для них третьим лицом. «Безличность в собственном смысле слова есть то же, что “внеличность”, то есть понятие метафизическое (как вневременность и внепространственность)» [7, с. 343].

С теоретической и практической точек зрения важными являются наблюдения Г. А. Золотовой над так называемыми односоставными предложениями. В связи с тем, что концептуальные положения ученого пред-

ставляются нам убедительными и доказательными, считаем необходимым подробно рассмотреть ее точку зрения относительно односоставности/двусоставности, безличности и, в частности, синтаксиса слов категории состояния.

Общеизвестно, что одним из главных критериев дифференциации предложений является признак «личности», который, в частности, свидетельствует о том, что позицию подлежащего занимает имя в именительном падеже. Данное грамматическое установление отражает признание действительной центральности в грамматической системе, в частности глагольно-именного типа предложения. По мнению Г. А. Золотовой, здесь наблюдается влияние логико-грамматических концепций и грамматик европейских языков, «отсюда — суженное, обедненное представление о действительном многообразии форм первого главного члена, носителя предикативного признака, неоправданность синтаксического противопоставления именительного падежа косвенным, нарушенное, смещенное соотношение синтаксических, морфологических и семантических признаков в представлении о подлежащем» [4, с. 102]. Два основных признака подлежащего вступают в противоречие: морфологический признак предписывает ему форму именительного падежа, а структурно-смысловой — роль субъекта, носителя предикативного признака. Целый ряд предложений представляет носителя признака в других формах — формах косвенных падежей: 1) *Он не спит* — 2) *Ему не спится*, 1) *Он тоскует* — 2) *Ему тоскливо*, 1) *Она в обмороке* — 2) *С ней обморок* и т. д. Кроме чисто морфологического ограничения, нет других причин считать формы слов во втором случае дополнениями или другими распространителями предикативной основы. «В структурно-смысловом отношении все они служат выражением носителя предикативного признака. С точки зрения собственно синтаксической существенно то, что данная их форма не задается словом — сказуемым, они не являются его подчиненным распространителем» [4, с. 103].

Итак, подлежащее как носитель предикативного признака может быть выражено не только именительным падежом, но и некоторыми другими формами имени.

Относительно оппозиции «личность — безличность» у Г. А. Золотовой находим следующие размышления:

1) предложения типа *Ему скучно — Он скучает, Ему не работает — Он не работает* следует объединить как личные двусоставные модели по признаку наличия имени субъекта — носителя предикативного признака;

2) предложения с именительным субъектом и с дательным субъектом различаются специальными семантико-грамматическими значениями: они противопоставляются не по признаку «личность — безличность» (и те, и другие являются личными и двусоставными), а по признаку зависимости — независимости от воли субъекта: при субъекте в именительном падеже признак независимости от воли не маркирован, при субъекте в дательном — маркирован;

3) в предложениях типа (*На дворе, на улице*) *Морозно, Светло, Морозит, Светает* формально носитель признака получает выражение в лока-

тивных формах (соответственно своему значению). В случае избыточности значения локатив в речи опускается, а позиция его остается и может быть занята при необходимости. Подобные предложения, сообщающие о состоянии среды, также следует признавать двусоставными предложениями. Подчеркнем, что «в отличие от других разновидностей моделей, причисляющихся к односоставным, здесь предикативно характеризуется не личный субъект, а предметный» [4, с. 114].

Изложенная Г. А. Золотовой трактовка безличных односоставных предложений и рассмотрение их как двусоставных личных конструкций с расчлененным выражением предикативного признака и его носителя представляется убедительной. «Так называемые "бессубъектные односоставные" предложения по своему реальному составу оказываются личными, субъектными, двусоставными конструкциями, отличаясь от "личных двусоставных" лишь формой выражения субъекта: не именительный падеж, а определенные формы косвенных падежей, противопоставленные именительному в оппозиции: субъект произвольного действия (состояния) — субъект произвольного действия как маркированное обозначение произвольного признака немаркированному» [4, с. 115].

Г. А. Золотова констатирует, что противопоставление по принципу «субъектность — бессубъектность» не является релевантным признаком для классификации предложений, но дает возможность различать лично-субъектные (с предикатируемым именем лица) и предметно-субъектные (с предикатируемым предметным именем) предложения.

Анализ большого фактического материала позволил Г. А. Золотовой сделать вывод о том, что «конструктивная роль субъектного компонента различных моделей предложения подтверждается тем, что позиция субъекта, соответствующим образом для каждой модели оформленного, при неназванности сохраняется и может быть по потребности заполнена [4, с. 116].

Несомненный интерес представляют выводы ученого о том, что определенно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения не являются разновидностями односоставных предложений, так как в них реализуются три вариантных значения лица, три способа представления личного субъекта, деятеля, которое может быть и названным и не названным, при этом неназванность остается синтаксически значимой [4, с. 110]. Проанализировав все структурные схемы русских предложений, ученый пришел к убедительному выводу о том, что они все двусоставны, что в любой структурной схеме содержится указание на субъект мысли и обозначение предиката мысли [3; 4]. Становится очевидным, что языковые средства, репрезентирующие субъект и предикат мысли, весьма разнообразны, что наиболее ясно прослеживается в устной разговорной речи [8, с. 69], и что подлежащее и сказуемое — лишь частные случаи выражения предикативного отношения, двучленного по своей природе [6, с. 56].

Г. А. Золотова утверждает, что «безличность — это значение произвольности действия или состояния, независимости его от воли субъекта, сигнализируемое особой формой глагола-сказуемого, стоящей особняком от

глагольной парадигмы 1–2–3-го лица, либо предикативным наречием (категорией состояния), либо устойчивыми оборотами со значением состояния» [4, с. 120]. Нет сомнения в том, что подлежащее в форме именительного падежа оказывается для многих моделей несущественным признаком, т. е. не является универсальным положением.

В бурятоведении определеннный круг теоретических вопросов, связанных с проблематикой простого предложения, также является дискуссионным. Известно, что над проблемой выработки модельных представлений простых и сложных предложений на материале языков народов Сибири плодотворно трудится коллектив лингвистов Института филологии СО РАН. Синтаксические конструкции бурятского языка привлекали и привлекают внимание многих ученых-монголоведов. Огромное лингвистическое наследие оставлено такими видными учеными, как Г. Ц. Цыбиков, А. Бобровников, Г. Д. Санжеев, Т. А. Бертагаев, Д. Д. Амоголонов, Ц.-Ж. Цыдыпов, Д. А. Алексеев.

Большинство синтаксистов принимает вербоцентрическую концепцию в отношении к предложению, признавая безусловное господство сказуемого, выраженного глагольной формой, над другими членами предложения. Глагольное сказуемое, соотносимое с подлежащим, занимает главное место среди предикативов. Но к ним относятся и другие предикативы, в частности, слова категории состояния. Так же как и глаголы, слова категории состояния своими валентностными свойствами и интенцией задают синтаксическую модель предложения и его семантическую структуру; семантика слов категории состояния и сочетающихся с ними компонентов предопределяет специфику смысловой организации предложения.

Необходимо также указать, что в бурятской синтаксической литературе господствует номинативизм — обязательность подлежащего в именительном падеже. Данные концепции не позволяют, на наш взгляд, адекватно представить свойства многообразных безглагольных конструкций и их роль в процессе коммуникации.

Наш анализ проводится с опорой на концепцию о двучленности предикативного отношения. «Предикативное отношение — это всегда отношение между двумя членами независимо от того, имеет ли субъектный член словесное выражение. Предикат всегда приписывается субъекту мысли, хотя бы этот субъект представлял собой восприятие окружающей среды... и для конкретного предикативного отношения не все равно, каким будет этот субъект» [8, с. 71].

Предложение как коммуникативная единица рассматривается как способ реализации определенной коммуникативной функции, намерения говорящего. Важно подчеркнуть, что одним из основных критериев выделения типов предложения является семантика предикатов. Для правильного определения семантики предложения при восприятии, а также для структурирования высказывания при порождении речи необходимо знание типологии предложений, предикатов, знание семантических и синтаксических отношений, в которые может вступать предикат с другими компонентами предло-

жения, знание способности морфологических форм вступать в те или иные синтаксические отношения [1, с. 25].

Разные языки имеют собственные формы выражения предикации, один и тот же смысл передается различными моделями — в зависимости от синтаксической системы языка, языкового видения человеком мира и позиции говорящего в конкретной коммуникативно-речевой ситуации общения. В то же время наблюдается некоторое сходство форм выражения предикации.

Попытаемся провести анализ простых предложений в бурятском языке на основании концепции Г. А. Золотовой. Предложения типа *Намда хайн (байна) / Мне хорошо, Шамда хүйтэн (байна) / Тебе холодно*, которые в традиционной грамматике принято считать односоставными безличными предложениями, мы рассматриваем как двусоставные. «В “безличных”, тоже двусоставных, субъект (подлежащее!) выражен дательным не для того, чтобы его исключили из класса за морфологическую непохожесть, но для того, чтобы передать дополнительное значение инволютивности, независимости состояния от воли его носителя» [4, с. 110]. В подобных предложениях актуализируется мысль, выраженная предикатом.

Способность субъекта реализовываться в различных, коммуникативных и некоммуникативных, ролях, быть источником какой-либо активности/пассивности воплощается в падежной парадигме имени. Традиционный взгляд на категорию падежа и ее состав в целом удовлетворяет современным потребностям дидактики, однако «грамматический инстинкт», о котором писал в начале XX в. известный датский ученый-лингвист О. Есперсен [2, с. 62], подсказывает, что к этой, хотя и достаточно разработанной, проблеме целесообразно обратиться еще раз. Грамматическая традиция, на наш взгляд, не позволяет увидеть некоторые факты, требующие дополнительной лингвистической интерпретации в рамках современной научной парадигмы.

Номинатив включает значение субъекта как инициатора какой-либо активности, датив служит для выражения дополнительного значения «инволютивности» и является, после именительного падежа, претендентом на роль имени, занимающего первое место в предложении.

Каждая языковая функция вырабатывает собственные средства реализации. Благодаря коммуникативной функции, связанной прежде всего с ролевой дистрибуцией внутри коммуникативного акта, воплощается идея субъекта, представленного в адресанте и адресате. Когнитивная функция, позволяющая человеку членить и систематизировать окружающий мир согласно структуре его сознания, закладывает идею наблюдающего и наблюдаемого субъекта. В категориях номинатива и датива лица, формируемых когнитивной функцией языка, отражается осмысление человеком места и роли субъекта в коммуникативном и внекоммуникативном пространстве.

Итак, реализация субъектного содержания в так называемых безличных конструкциях часто связывается с именным компонентом в форме дательного падежа. О том, что такая точка зрения имеет определенные основания, писал Ю. А. Пупынин: «Многие безличные конструкции с формой датель-

ного падежа лица обнаруживают смысловую близость с двусоставными конструкциями» [9, с. 48].

В бурятском языке рассматриваемые конструкции также находят свое выражение, но их употребление умеренное. В некоторых случаях вместо безличных (реально личных) синтаксических моделей, выражающих значение независимости состояния от воли его носителя (характерных для русского языка), употребляются личные, ср.: *Мне не спится — Би унтажа ядааб, Мне есть охота — Би эдеэлхэ ханаатайб*. Наблюдения показывают, что русское языковое сознание в отражении картины мира использует категорию безличности значительно чаще, чем языковое сознание носителей бурятского языка. Причины широкого распространения безличных предложений в русском языке, умеренного — в бурятском языке кроются, вероятно, в национальном мышлении, особом менталитете.

О пристрастии русского синтаксиса к безличным оборотам написано достаточно много. Размышляя по этому поводу, С. Г. Тер-Минасова, например, пишет: «В этой особенности грамматики русского языка видят и фатализм, и иррациональность, и алогичность, и страх перед непознанным, и агностицизм русского народа... Русский язык... подчеркивает действия высших потусторонних сил и скрывает человека как активного действующего за пассивными и безличными конструкциями. Думается, что одним из объяснений этого синтаксического пристрастия русского языка может быть коллективизм менталитета, стремление не представлять себя в качестве активного действующего индивидуума... индивидуум растворен в коллективе, в природе, в стихии, в неизвестных, необозначенных силах» [10, с. 15–16].

Наблюдения над теми или иными словами, оборотами свидетельствуют о том, что большинство языковых решений говорящего продиктованы определенной культурой и зависят от нашего знания и понимания мира. Говоря о языке как таковом, можно предположить, что некоторые решения определяются его структурой, другие же являются индивидуальными, единичными. Таким образом, важнейшим аспектом грамматического анализа служит языковой выбор, т. е. решения, принимаемые говорящим в процессе порождения речи.

Подчеркнем, в современной лингвистике содержание конструкций типа *Намда хүндэ (байна) / Мне тяжело, Тэрээндэ хүйтэн (байна) / Ему холодно* является одним из актуальных вопросов. Убедительной представляется точка зрения, согласно которой в указанных конструкциях есть не только семантический субъект, но и подлежащее, которые приравнены друг другу и могут быть выражены любым падежом, в частности дативом.

Номинатив включает значение субъекта как инициатора какой-либо активности, датив служит для выражения дополнительного значения «инволютивности». Дательный падеж, после именительного, который представляет собой основную диагностическую форму субъекта-подлежащего, является претендентом на роль имени, занимающего первое место в предложении. Таким образом, датив может функционировать как главный член предложения, вступающий в предикативную связь с другим главным членом,

обозначающим его признак. В предложениях типа *Газаа халуун / На улице жарко, Тагалга соо уйтан / В комнате тесно* носителем признака является амбиентное пространство. При неназванности среды позиция носителя признака может быть заполнена локативом.

Таким образом, «безличные» предложения не представляют категорию односоставности, они личны и двусоставны.

Литература

1. Екшембеева Л. В. Языковые модули и проблемы обучения. Алма-Ата, 2000. 121 с.
2. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Наука, 1958. 236 с.
3. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
4. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. 2-е изд., стер. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 368 с.
5. Золотова Г. А. Об основных классификациях предложений // Русский язык за рубежом. 1989. № 5. С. 23–31.
6. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1978. 387 с.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
8. Попова З. Д. Может ли обойтись синтаксис без учения о членах предложения // Вопросы языкознания. 1984. № 5. С. 69–75.
9. Пупынин Ю. А. Безличный предикат и субъектно-объектные отношения в русском языке // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 48–63.
10. Тер-Минасова С. Г. “Я” и “Мы” в культурах и языках // Русское слово в мировой культуре: материалы X Конгресса МАПРЯЛ. СПб.: Политехника, 2003. Т. II.
11. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.

PREDICATIVE WORDS IN PERSONAL AND IMPERSONAL SENTENCES

(In the russian and buryat languages)

Galina V. Ulazaeva

PhD in Philology, A/Professor, Department of Russian as a Foreign Language,
Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: diskurs@mail.ru

State as one of universal categories is reflected in sentences. The article deals with simple sentences in the Russian and Buryat languages. Anthropocentric paradigm of modern linguistics allows consideration of sentence as a means of implementing particular communicative function — speaker's intention. We base on Galina A. Zolotova's theory of one-/two-member sentences, impersonal sentences, and syntactical peculiarities of state category words. Zolotova interprets impersonal one-member sentences as two-member personal constructions with vivid separated predicativity and its carrier. The opposition “subjectness – subjectlessness” is not a relevant feature for sentences classification, but it gives an opportunity to differen-

tiate personal-subjective and object-subjective sentences. The so called impersonal constructions include not only the semantic subject, but also the subject which can be expressed by nominative case, as well as by dative case. The semantic subject acts as an initiator of any activity in the nominative case, while in the dative case it expresses the optional meaning of “involutionness”. The nominative case represents the main diagnostic form of the subject, while the noun in the dative case pretends to take the first place in the sentence.

Keywords: the Russian language, the Buryat language, one-member sentences, the opposition “subjectness – subjectlessness”, carrier of predicativity, the nominative case, the dative case, predicative words.

References

1. Ekshembееva L. V. *Yazykovye moduli i problemy obucheniya* [Language Modules and Learning Problems]. Alma-Ata, 2000. 121 p.
2. Espersen O. *Filosofiya grammatiki* [Philosophy of Grammar]. Moscow: Nauka Publ., 1958. 236 p.
3. Zolotova G. A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative Aspects of Russian Syntax]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 368 p.
4. Zolotova G. A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative Aspects of Russian Syntax]. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS Publ., 2001. 368 p.
5. Zolotova G. A. Ob osnovnykh klassifikatsiyakh predlozhenii [About the Basic Classifications of Sentences]. *Russkii yazyk za rubezhom — Russian Language Abroad*. 1989. No. 5. Pp. 23–31.
6. Meshchaninov I. I. *Chleny predlozheniya i chasti rechi* [Parts of Sentence and Parts of Speech]. Leningrad: Nauka Publ., 1978. 387 p.
7. Peshkovskii A.M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in a Scientific Light]. 8th ed. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001. 544 p.
8. Popova Z. D. Mozhet li oboitis' sintaksis bez ucheniya o chlenakh predlozheniya? [Can Syntax do Without Studies about Parts of Sentence?]. *Voprosy yazykoznaniiya — Problems of Linguistics*. 1984. No. 5. Pp. 69–75.
9. Pupynin Yu. A. Bezlichnyi predikat i sub'ektno-ob'ektnye otnosheniya v russkom [Impersonal Predicate and Subject-Object Relations in the Russian Language]. *Voprosy yazykoznaniiya — Problems of Linguistics*. 1992. No. 1. Pp. 48–63.
10. Ter-Minasova S. G. “Ya” i “My” v kul'turakh i yazykakh [“I” and “We” in Cultures and Languages]. *Russkoe slovo v mirovoi kul'ture — Russian Word in the World Culture*. Proceedings 10th Congress of The International Association of Russian Language and Literature Teachers. Vol. 2. St. Petersburg: Politekhnik Publ., 2003.
11. Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian Language]. Leningrad: Uchpedgiz Publ., 1941. 620 p.